

Александр Иванович Куприн

«Ханжушка»

Таким насмешливым прозвищем окрестили в Киеве профессиональных богомолков, созданных молитвенными потребностями города, на всю Россию славящегося своими монастырями и святынями. Эти особы служат посредницами и проводницами между наиболее популярными отцами и схимниками, с одной стороны, и чающей благодати публикой с другой. Они заменяют для прибывших откуда-нибудь из Перми или Архангельска купцов-богомольцев самые полные путеводители, являясь неутомимыми и словоохотливыми гидами, имеющими везде знакомство или лазейку.

В монастырях их терпят, отчасти как необходимое зло, отчасти как ходячую рекламу, а отец-эконом нередко «благословляет» их то медком, то свежее испеченным хлебцем, то осетровой солянкой. Впрочем, молодой монах, не усвоивший еще в достаточной степени внешнюю степенность «ангельского чина», никогда не утратит случая, увидев ханжушку, обозвать ее «мокрохвосткой» и «дармоедкой».

Они, конечно, безукоризненно знают все престолы и праздники и особенно торжественные служения. Им известны дни и часы приемов у святых отцов, отличающихся либо наиболее строгой жизнью, либо даром провидения, либо умением видеть человека «наскрозь» при исповеди, либо еще какими-нибудь особенностями и странностями. Впрочем, у каждой есть свой излюбленный отец, которого она «обожает» предпочтительно перед прочими, состоя при нем, так сказать, личным адъютантом. За «своего» она готова перегрызть конкурентке горло, если только у них зайдет спор о сравнительных достоинствах двух отцов.

Есть две разновидности этого типа: «ханжушка-постница» и «ханжушка-лакомка». Первая высока, необыкновенно костлява и всегда как будто бы наклонена вперед; лицо у нее зеленое, длинное и хищное, с длинным щурьим носом и квадратною нижнею челюстью. Она строго блюдет среду и пятницу, когда не вкушает вина, не ест зайца, который по достоверным сведениям был в числе «семи пар нечистых», а видом напоминает дикую кошку, двадцать девятого августа отказывается от арбуза, потому что он, разрезанный пополам, напоминает «усекновенную главу» и так далее. Если благодетели по ошибке или незнанию предложат ей отведать что-нибудь из «запрещенного», она тотчас же изображает и лицом, и жестами, и голосом такой нечеловеческий испуг и такое обиженное негодование, что самим благодетелям становится жутко.

Ханжушка-лакомка мала ростом, кругла и жирна, как хорошо откормленный в мясной лавке кот. Она вся проникнута добродетелями и набожными чувствами, и даже ее лицо, на котором едва видны щелочки глаз, светится маслянистым гляncем. Она, в противность ханжушке-постнице, не откажется ни от рюмки доброй старой вишневки, ни от чашки «кофию», если только угощение следует от солидной и «стоящей» компании. К закату дней своих она непременно приобретет где-нибудь на Шулявке или на Приорке маленький, дикой краски, домик в три окна, где желанным гостем бывает здоровенный монах в франтовской рясе.

Во всем остальном обе разновидности поразительно похожи. Во-первых, обе говорят необыкновенно быстрым полупшепотом, причем произносят слова не только из себя, но и в себя, то есть одновременно и произнося слова и вдыхая воздух, отчего получается впечатление беспрестанного, монотонного журчания. Во-вторых, и та и другая косноязычат, картавят или пришепетывают, потому что так выходит и трогательнее и жалче.

Даже и костюм они носят одинаковый, полупоношенный черное платье и черный платочек с бахромой на голове.

Друг к другу ханжушки относятся нетерпимо, потому что им волей-неволей приходится сталкиваться в одних и тех же домах в качестве рассказчиц, приживалок и проводниц благочестия. Здесь, вероятно, кроме опасения конкуренции, примешивается более острое и тонкое чувство, нечто вроде взаимного стыда, нечто вроде того, что испытывают друг к другу двое профессиональных жрецов или двое заик в присутствии посторонних глаз.

У них есть своя специальная терминология и для наиболее излюбленных «отцов» даже особенные, ласкательно-интимные прозвища.

- Так ты говоришь, мать моя, была нынче на служении? спрашивает одна ханжушка другую.

- Ах была, была, матушка. Какое, я вам скажу, благолепие! Уж такое благолепие, такое благолепие, что просто не знаешь, на небе ты или на земле!

- В мантиях служили-то?

- В мантиях, родная, в мантиях. «Бутон» предстоящим был.

- А «Пернатый» не сослужил?

- Сослужил и «Пернатый». Удостоилась я к ручке приложиться, когда к кресту подходили. Ручки-то у него беленькие такие да пухленькие... ма-асенькие, масенькие, точно у ребеночка безгрешного... и французскими духами надушены. Ханжушки знают про своих «благодетелей» самые интимные подробности и с видом благочестивого сокрушения («как лукавый-то силен ныне стал!») переносят из дома в дом соблазнительные вести.

В круг их обыденных занятий входит множество мелочей. Они разгадывают сны, лечат от дурного глаза, растирают у благодетелей болящие места освященным маслицем с Афонской горы, исполняют всякие поручения к соседнему лавочнику, с которым «язычничают» о тех же благодетелях. При свадьбах, крестинах, похоронах, благословениях образом и прочих обрядных происшествиях они являются в соответственной роли церемониймейстеров. Перед тем как на отпевании закрывают гроб, ханжушка непременно развяжет и возьмет себе платок, связывающий ноги покойного. «От зубов, батюшка, помогает», объяснит она любопытному.

Если вы хотите видеть ханжушку во время самого кипучего момента ее жизни, зайдите в лавру во время большого праздника. Вы увидите ее в гостинице сидящей в кругу купеческого семейства, пьющей «с угрызением» тридцатое блюдечко чаю и рассказывающей своим непрерывным полушепотом:

А то еще показывали той страннице иноци афонстии вздох святого Иосифа Аримафейского. Когда этта, значит, завеса-то раздрася он, батюшка, и воздохнул от своего сокрушенного сердца, а ангели святии тот вздох и собрали в малую скляницу, на манер пузырька аптекарского. Так он, этот вздох, в склянице и содержится, бычачьим пузырем сверху затянут, и кто на его, на батюшку, с верою смотрит, тому от запойной болезни очень даже помогает.